

Путь к Свету

Православный альманах

Шаг первый

О милости Бога к кающимся. Беззаконник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно и праведно, жив будет, не умрет. Все преступления его, какие делал он, не припомнятся ему: в правде своей, которую будет делать, он жив будет. Разве Я хочу смерти беззаконника? — говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив? (Иез. 18:21–23). Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешали вы, и сотворите себе новое сердце и новый дух; и зачем вам умирать? Ибо Я не хочу смерти умирающего, говорит Господь Бог; но обратитесь и живите! (Иез. 18:31–32).

Отрывок о покаянии

из романа В. Н. Елсукова «Принцесса и принц»

Глава 6

Тем временем криминальный авторитет, получивший деньги за убийство Леонида Когана, связался с одной из московских бандитских группировок и договорился о выполнении заказа. Сделать это поручили штатному отстрельщику — бывшему офицеру армейского спецназа, снайперу, которого звали Андрей.

— Вот, Андрюша, тебе фотографии, адрес, маршруты передвижений, аванс, тысяча зеленых, сделаешь работу — получишь еще две, — заносчиво произнес главарь банды по кличке Бобон. — Иди, трудись, у тебя неделя. Не вздумай забухать, как в прошлый раз. Тогда точно утоплю в бассейне, понял?

— Понял, — коротко ответил киллер, укладывая в сумку полученные бумаги, фотоснимки и деньги.

Несколько дней он изучал движение Леонида между домом и офисом. Наконец выбрал место, откуда безопаснее всего было произвести выстрел. На выезде с охраняемого двора, в котором жил его клиент, машины останавливались перед шлагбаумом, а напротив метрах в ста находилась небольшая автостоянка, где парковались жители соседнего дома. «Очень

удобно поставить здесь фургон, в нем разместиться, отстреляться, а после отъехать дворами, — размышлял Андрей. — Пересесть в другую машину — и концы в воду. На этом плане и остановимся».

На следующий день он изложил свои намерения Бобону.

— Мне нужен фургон, лучше «газель». Там я удобнее размещусь.

— А может, тебе лимузин подать? Обойдешься ижаком-«каблучком» — он дешевле стоит. Зато не примелькаешься, тебе же лучше. Машину к вечеру подгонят, ее для тебя еще угнать надо. Иди, трудись.

Утром Иж-2715, в народе известный как «каблучок», стоял на выбранной площадке. В фургончике со слегка приоткрытой дверью сидел Андрей. Он оборудовал упор для своего винтореза и был наготове. Минут через десять машина Леонида подъехала к шлагбауму и остановилась. Киллер распахнул дверцу пошире, прицелился, нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Что-то не сработало. Тогда удивленный сбоем профессиональный убийца положил винтовку и сказал водителю, что нужно отъезжать, — мол, не получилось. А вечером на разборе полетов у Бобона в очередной раз выслушал массу «комплиментов» в свой адрес.

— Если и завтра у тебя не получится, то это ты мне три тысячи заплатишь, а не я тебе, понял? — раздраженно предупредил тот. — Все стоит денег, в том числе угнанные машины.

— Так одна же машина, — возразил Андрей.

— А если ее за ночь спалят?

— Слушай, Бобон, у меня осечка впервые в жизни. Я на двух войнах побывал и умею обращаться с оружием. Это мой инструмент!

— Плохо умеешь. Всё, отвали. Завтра посмотрим, какой ты герой.

На следующий день Андрей вновь сидел в фургончике и ждал Леонида. Как и вчера, машина того остановилась возле шлагбаума. Киллер прицелился, нажал на спусковой крючок. Выстрела не было. На лбу бывшего офицера спецназа выступил холодный пот. «Это невозможно, вторая осечка подряд! Я ночью отстрелял винтовку, проверил патроны. Все было идеально. Клиент точно заговоренный...» Андрей перевел дыхание и велел водителю отъезжать.

Через несколько часов киллер привез четыре тысячи долларов и отдал Бобону.

— Вот штука аванса и три сверху. Не связывайся с этим парнем, он заколдован.

— Сам ты колдун! Если мои люди его замочат, будешь мне должен еще десять, — гневно заявил главарь.

— Хорошо, — ответил Андрей и вышел. Состояние было странное: он ощущал боль и отраду одновременно, горечь от всей своей мерзкой жизни

и вместе с тем радость оттого, что его не заставляют больше стрелять в этого человека. Хотелось куда-нибудь скрыться, никого и ничего не видеть. Вспомнилось детство, мать, которая из кожи вон лезла, чтобы сын, росший без отца, вышел в жизнь достойным человеком, и так радовалась, когда он поступил в Рязанское военное училище. Андрей решил прямо сейчас ехать к ней на кладбище в Серпухов и через полтора часа сидел на лавочке возле могилы. «Больше года, как мамы нет, а памятник я так и не поставил», — подумал было он, как вдруг неожиданно для самого себя опустился на колени возле погребального холмика и завыл волком, потом встал и пошел, рыдая, между оградками и деревьями. На краю кладбища Андрей увидел людей, только что похоронивших кого-то. Несколько женщин громко плакали, их утешал пожилой, седоволосый священник. «Я тоже хочу поговорить с батюшкой, очень хочу!» — мысленно воскликнул исступленный киллер и, дождавшись, пока тот остался один, обратился к нему:

— Помогите мне, выслушайте меня!

Священнослужитель несколько секунд внимательно вглядывался в лицо стоящего перед ним человека.

— Что случилось? Давайте отойдем немного в сторону.

Они вернулись к входу на кладбище, где находилось несколько скамеек, и сели на одну из них.

— Я — бандит, профессиональный убийца, — нервно сглотнув и опустив глаза, начал говорить Андрей, — но больше не могу так жить. Что мне делать?

Возникла пауза. Батюшка не знал, что ответить. Потом попросил:

— Расскажите о себе подробнее.

— Здесь, в Серпухове, я родился и вырос. Отца не знал. Мать меня воспитывала, как могла. Повзрослев, окончил военное училище в Рязани, потом служил офицером в армии. С 1987-го по 1989 год воевал в Афганистане, в армейском спецназе, был снайпером. Вернувшись с Афгана, увидел, что страна наша катится в пропасть и деньги мои, кровью заработанные, — ничто. Вокруг люди что-то продают, перепродают, шпана наперстки крутит, рэкет процветает. В общем, прибился я к одной банде, из армии уволился. Красиво жить хотелось. Мы с мамой всегда еле концы с концами сводили. Когда понял, куда попал, обратного пути уже не было. Закрутилось все, завертелось, стал киллером. Вскоре разборки между группировками начались, тотальный отстрел друг друга. На исходе 1994-го бригаду нашу почти полностью перестреляли, осталось нас несколько человек, и мы разбежались. Представился шанс начать жизнь заново, ведь чудом спасся! Был между ментами и бандитами — как между молотом и наковальней. Купил себе новые документы, подался в Питер. Он после

Москвы показался мне просто нищим. Нашел работу за копейки, охранником в одной фирме. Даже с девушкой по-серьезному сдружился. Когда чеченская война началась — как по сердцу ножом. Один деятель сделал мне бумаги на настоящую фамилию, липовые справки с работы, характеристики и прочее. Я бегом в военкомат. Мол, бывший офицер, спецназовец, снайпер. Меня сразу призвали — и в Грозный. А там сущий ад! Понял я, что в Афгане мы просто в войнушку играли. Тогда тоже продажных людишек хватало, но такого предательства, как в Чечне, и в страшном сне не увидишь. Воевал я честно, живота не щадил. Из нашей «партизанской» штурмовой группы к весне многих вывезли грузом двести. В начале марта не выдержал, завалил втихаря одного штабного майора, крота чеченского. Тут разборки начались, подозрения, что кто-то из своих это сделал. В общем, я решил мотать оттуда, симитировал кишечные колики. Солдатом я был авторитетным, никто во мне не сомневался. Договорился с одним медработником, он сделал направление в ростовский госпиталь на обследование, но вместо больницы я в Питер вернулся. К девушке сунулся — у нее уже другой. Хотел его избить от обиды. Встретились, поговорили, мужик оказался нормальный. Думаю: зачем из-за бабы руки марать? Запил я тут конкретно — и все вернулось на круги своя. Опять очутился среди братков. Мечтал: вот скоплю деньги, уеду куда-нибудь за границу, где море и солнце, устрою свой маленький бизнес. Времена стали полегче, да и заказы стоили не те копейки, что в начале девяностых. Мечтатель, блин. Короче, засосало вновь меня это болото. Понял, что кранты, приехали. Часики тикают, жить осталось всего ничего. А на днях винторез мой осечки начал давать. Заговоренный клиент, наверное, попался. Меня страх охватил. Конец, думаю. Пришло время платить по счетам. Жизнь вспомнил свою горемычную, за голову схватился. Кто я? Выродок последний. Как земля таких носит? Тоска смертная! Рванулся к маме сюда на кладбище — прощения просить. Ведь она жизнь свою положила, чтобы я человеком стал.

Андрей снова зарыдал.

— Как вас зовут, батюшка? — вдруг с дрожью в голосе спросил он священника, который находился в глубокой задумчивости.

— Отец Иов, — ответил тот и положил руку парню на плечо. — А ну, не отчаиваться! Сейчас расскажу тебе одну древнюю историю — не сказку, реальную историю, — и ты поймешь, что нужно сделать. Слушай.

В одной области на Востоке жил лютый и коварный разбойник. Грабил, убивал, насиловал. Терроризировал он со своей бандой местное население несколько десятилетий. Не могли его поймать, чутье было у него волчье. Все время ускользал. Люди обращались к самому царю, но

толку не было. Как-то управлявший этой областью наместник от безысходности пожаловался на разбойника епископу, а владыка ответил, что помолится Господу: может быть, вразумит его Бог, как изловить бандита. Через несколько дней зовет епископ того начальника к себе и говорит: «Вразумил Господь! Напиши приказ: мол, если душегуб явится с повинной и пообещает перестать злодействовать, то прощен будет. Разошли гонцов с этим приказом во все концы. Как пожалует он к тебе, ты его прости и отпусти, если покается. Тогда мир и благодать воцарятся в пределах твоих». Усомнился, конечно же, правитель, но из уважения к почитаемому старцу, исполнил все. Через пару дней приходит к наместнику некий пожилой человек, признает себя тем злодеем, которого все ищут, и говорит, что хочет покаяться. Не верит глазам правитель, обрадовался. Связали преступника, заточили в темницу, раструбили о поимке негодяя по всей округе. Царю доложили. Идет начальник благодарить епископа за совет, а тот к нему даже не выходит. Повелевает передать только, что не исполнил наместник волю Господню, не простил и не отпустил человека покаявшегося. Вопросает тогда правитель через посыльного: «Что мне делать? Город с нетерпением казни бандита дожидается. Если лиходея отпущу, меня народ на куски разорвет». Но ответа от старца так и не последовало. Мучимый совестью и страхом Божиим, начальник все-таки отпускает раскаявшегося разбойника. Поселяет его в гостинице, которую вынуждены охранять от возмущенной толпы несколько сотен солдат. И город, и область — все поднимаются от возмущения на правителя за то, что простил злодея, на чьей совести тысячи душ. Однако когда, казалось, вот-вот все взорвется от народного гнева, вдруг душегуб умирает сам. Бунтовщики расходятся. И впрямь через несколько недель мир и спокойствие наступают в провинции. Царь своего наместника похвалил и наградил, сам владыка-старец пришел к тому и поблагодарил за мужество. Все стихло. Только епископ, тревожимый мыслями о неисповедимости путей Господних, просил Бога поведать Его Промысл об этом бандите. И как-то во сне увидел старец комнату в гостинице, где на коленях перед образом рыдал злодей, обличаемый совестью, не находя себе прощения. Молил он Спасителя смилостивиться над душами убиенных им людей. Проведя несколько дней без пищи, питья и сна, в покаянных слезах умер этот человек. Зрит владыка, как несчастная душа бывшего преступника отделяется от тела, как набрасываются на нее демоны, чтобы утащить в ад. Вот уж и суд над ней, где на мытарствах перечисляют бесы несчетные провинности этой души, радуясь и возлагая на весы Божьего правосудия большие и малые камни ее грехов. Грустным стоит Ангел Хранитель. Нечего ему возразить, ни одного доброго дела не

может он положить на другую сторону весов. И за неимением таковых кладет туда мокрый от слез платок разбойника. Качнулись тут весы, стала медленно подниматься чаша с камнями, а чаша с платком опускаться, пока противоположную не перетянула. Тогда подхватил Ангел Хранитель прощенную душу и вознес на небеса на зависть посрамленным демонам.

Отец Иов замолчал. Не мог ничего сказать и Андрей, пораженный этой историей. Тогда священник продолжил:

— На всю жизнь запомни спасительные слова Бога, сказанные через пророка: «Беззаконник, если обратится от грехов своих и будет соблюдать все уставы Мои, жить будет, не умрет. Все преступления его, какие он делал, не припомнятся ему. В правде своей, которую будет делать, жив будет». «Разве Я хочу смерти беззаконника? — говорит Господь. — Не того ли хочу, чтобы он обратился от злых путей своих и был жив? Ибо Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию». Знай, что есть два обличения: одно здесь, в настоящей жизни, во спасение, а другое там, по смерти, в осуждение. Ныне хотя мы и обличаемся через покаяние, но по благодати и человеколюбию Божьему происходит это тайно и сокровенно в глубине души — в очищение и прощение грехов. Только один Бог вместе с нами видит сокровенности сердец наших. Кто сейчас, в веке сем, бывает судим таким судом, тому нечего бояться другого истязания. Плачущие о грехах своих не имеют страхований, ибо кающийся есть изобретатель наказаний для себя самого. Когда человек за прежние свои грехи наказывает себя, тогда Бог прилагает попечение о том, чтобы упокоить его. Теплота покаяния и слез наших, исходящих из самой глубины сердца, испаряет и сжигает, как огонь, всю греховную скверну и душу, пораженную ею, делает совершенно чистой. Нет ничего равного милости Божьей и нет ничего больше ее, поэтому отчаявшийся сам себя губит. Понимаешь? Как тебя зовут? — вдруг прервал наставление батюшка.

— Андрей.

— Так вот, Андрей. Когда печаль и отчаяние в нас усиливаются, мы не можем приносить должного покаяния, а покаянием спасались, спасаются и будут спасаться все: цари и нищие, благородные и простолюдины, мудрые и неученые, богатые и бедные, воры, обидчики, лихоимцы, развратники, убийцы и прочий род грешников. Глубина покаяния — этой спасительной жертвы — должна быть измеряема мерой грехов. То есть по мере грехов, которые наделал человек, да будет у него и покаяние с сокрушением.

Отец Иов замолчал, молчал и киллер. Минуту спустя священник задал следующий вопрос:

— Ты крещеный?

— Да. Мама с бабушкой в детстве крестили. Помню, тогда был совсем

маленький. Потом еще в церковь водили причащаться.

— Вот видишь, какие у тебя мужественные родные! Ведь это был отважный поступок для советского времени.

— Знаю. Сам подростком над ними смеялся, но бабушка не обижалась, прощала. Говорила, что и Бог простит.

— На таких людях, как твоя бабушка и мама, Церковь в те годы и держалась. Вот что тебе надо сделать. Есть у меня знакомый священнослужитель, игумен Туруханского Свято-Троицкого мужского монастыря Агафангел. Отправляйся к нему в Туруханск, это в Сибири, на севере Красноярского края. Батюшка просил по возможности помочь в поисках благодетелей для восстановления его обители. Возьми все деньги, заработанные на душах убиенных, отвези и отдай ему. Если помнишь, запиши имена людей, которых лишил жизни, тоже отцу Агафангелу передай. Он помолится, да и сам за них молиться будешь. Вот там и живи до конца своих дней. Я напишу письмо, попрошу, чтобы пристроили тебя при монастыре разнорабочим, а там — как Бог даст, может, и монахом станешь. Если уедешь оттуда, ослушаешься настоятеля, пропадешь. Понял? Готов ехать?

— Готов, батюшка, хоть сейчас.

— Сейчас не надо. Возвращайся домой — соберись, билеты купи. Завтра утром пораньше приезжай в Высоцкий монастырь, я тебя исповедую по чину, наложу епитимию, как положено, и благословлю в путь. Письмо передам. Знаешь, где Высоцкий монастырь?

— Знаю, конечно. В детстве по его развалинам лазил.

— Тогда до свидания, — отец Иов отправился к давно ожидавшему его автомобилю, а пока шел, про себя молился: «Господи, помилуй меня и этого человека! Да будет все по воле Твоей!»

А тот, о ком думал и за кого просил Бога пожилой священник, воодушевленный помчался в Москву. При въезде в город машина почему-то заглохла и больше не заводилась. «Дьявол хочет помешать», — подумал Андрей и, отбуксировав автомобиль на ближайшую стоянку, добрался до своей съемной квартиры на метро. «Придется ехать в Серпухов на электричке. Вспомню молодость», — решил он и зашел узнать расписание на Курский вокзал, от которого жил недалеко. Утром сел на первый же электропоезд. Было еще темно и по-осеннему прохладно. В вагоне находилось человек десять. Среди них несколько старичков и старушек, которые все никак не могли закрыть дачный сезон, хотя вокруг была уже грязь и слякоть. Неподалеку расположилась молодая женщина с дочкой пяти-шести лет, а у противоположного окна — двое смуглолицых черноволосых мужчин с сумками и ящиком для инструментов. «Наверное, гастарбайтеры на работу отправились», — подумал Андрей и задремал.

Ночью он почти не спал: голова была занята мыслями о дороге в Туруханск и о предстоящей жизни — как тут уснешь! — поэтому сразу отключился. Проснулся от голоса машиниста, объявлявшего: «Станция Чехов», — и обрадовался: «Вот и подъезжаем, осталось всего минут двадцать». Состав тронулся. За окном уже появились первые признаки рассвета. И тут послышался грохот открываемых дверей. Обернувшись, Андрей увидел троих побритых налысо молодых людей спортивного телосложения и почувствовал неладное. «Откуда взялись эти ублюдки?»

Те внимательно всматривались в пассажиров и продвигались вдоль вагона. В это время первый из идущих парней воскликнул: — На ловца и зверь бежит! А ну, в тамбур и на выход из поезда, — обратился он к гастарбайтерам. — Сейчас разберемся, по какому праву вы тут развалили свои вонючие задницы.

Пассажиры притихли и наблюдали за тем, как молодчики выталкивали мигрантов из вагона. Андрей встал и громко произнес:

— Оставьте их в покое.

Скинхеды остановились и почти разом повернулись лицом к нему.

— Ты что, адвокат черных? — спросил парень, который входил в вагон первым, видимо главарь. — Череп, научи-ка его Родину любить.

Самый высокий из троих вынул нож и пошел на Андрея. Спокойно подпустив соперника на расстояние вытянутой руки, бывший спецназовец резким движением вывернул ему кисть и отобрал перо. Затем схватил сзади за шею и, пользуясь неустойчивым положением нападавшего, с силой ударил лбом о спинку сиденья. Бедолага рухнул на пол. Не делая паузы, боевой офицер рванулся ко второму. Тот достал было пистолет, но получив удар ногой в колено, замешкался. Андрей перехватил его руку, выбил ключицу и вытащил оружие из обмякшей ладони, после чего мощно ударил кулаком под грудь и опрокинул на пол. Бросив взгляд на третьего, он увидел, что бандит хладнокровно держит ствол у виска молодой женщины с ребенком. Ребенок прижимался к маме и плакал.

— Брось волыну, — потребовал бритоголовый, — а то я прострелю этой суке башку.

Андрей посмотрел ему в глаза и мгновенно понял, что перед ним убийца, на счету которого не одна жизнь и который безжалостно нажмет на спусковой крючок.

— Считаю до трех и стреляю! — прошипел тот и начал отсчет.

Спецназовец демонстративно бросил пистолет и через мгновение набросился на подонка. Чтобы чисто выбить из руки оружие, не хватило какой-то доли секунды. Раздался выстрел. Обезоружив главаря банды, Андрей нанес тому несколько ударов и только потом понял, что ранен, и

ранен серьезно. В это время два гастарбайтера пришли ему на помощь. Они начали лупить негодя подручным строительным инструментом.

— Остановитесь, ведь насмерть забьете, — простонал их спаситель. Боль усиливалась, началось сильное кровотечение. Андрей задрал свой свитер, посмотрел на рану и медленно прикрыл ее одеждой.

В вагон начали сходитья люди. Кто-то сообщил машинисту о происшествии. Скинхедов связали ремнями и веревками. Тем временем поезд уже подъезжал к Серпухову.

На станции в вагон вбежали милиционеры, схватили и быстро вывели троих избитых преступников. Андрей неподвижно сидел, максимально переложив вес тела на спинку сидения. К нему подошел милицейский капитан.

— Держись, браток, скорая сейчас будет.

— Офицер, мне уже некуда торопиться. Я воевал, знаю, что с такими ранами не живут. Слушай, выполни мою последнюю просьбу.

— Говори, сделаю все, что смогу.

— Не надо в больницу, отвезите меня в Высоцкий монастырь к отцу Иову, хочю исповедаться перед смертью.

Прибыли врачи. Пострадавшего понесли в карету скорой помощи.

— Я с вами, — распорядился капитан. — Едем через Высоцкий монастырь. Юра, — обратился он к своему коллеге, — позвони туда, пусть кто-нибудь из священников встретит.

— Какой монастырь? — возмутился один из врачей. — Человек умирает!

— Именно поэтому меня и нужно везти туда, — простонал раненый. — Слушай, доктор, дай мне по совести уйти, не жилец я уже.

— Всё, поехали, поехали! — торопил милиционер, усаживаясь на переднее сиденье.

Загудела сирена и машина помчалась. Минут через десять она остановилась у входа в обитель, где собралась, казалось, вся братия. Капитан вышел и произнес:

— Вот, привез вам человека на исповедь. Он может умереть.

Отец Иов подошел к машине, посмотрел внутрь и вздрогнул.

— Андрей! В храм его, положите перед амвоном. Вам покажут. И поддержите лекарствами, как сможете, — попросил он медиков.

Носилки вместе с капельницей поместили там, куда указал настоятель. Андрею сделали несколько уколов.

— А теперь выйдите все, пожалуйста, — попросил батюшка и пошел в алтарь, чтобы надеть епитрахиль, взять Евангелие и крест. Присутствующие покинули церковь.

— Приехал я, отец, — обратился бывший убийца к священнику. — Туруханск, Туруханск... Всю ночь о нем думал. Размечтался, как Остап Бендер о Рио-де-Жанейро. Да, видно, не судьба, — он медленно вытащил из внутреннего кармана куртки ключи и блокнот. — Это от квартиры, которую я снимаю в Москве. Адрес написан здесь, первым на странице с буквой «ю». Дома у меня под кроватью приготовлена сумка с вещами, в ней деньги, семьдесят одна тысяча долларов. Все, что у меня есть. В мешке с деньгами список загубленных душ, кого знал по имени. Передайте игумену Агафангелу, пусть помолится о них, — Андрей замолчал, глаза его наполнились слезами. Батюшка Иов поставил рядом стул, положил на него Евангелие и крест, а сам опустился на колени.

— Прислушайся к голосу совести. Исповедуйся, — произнес он.

— Вся жизнь моя не по совести. Сейчас стыдно и страшно, — умирающий начал вспоминать самые мерзкие свои поступки. Временами останавливался, лицо его содрогалось от душевной боли. В конце концов мрачно признал:

— Не вспомнить мне всех грехов. Не сосчитать их.

— Да этого и не требуется. Требуется сердце сокрушенное, — подбодрил его батюшка. Он положил на голову кающемуся епитрахиль и прочитал разрешительные молитвы. Затем поднес к губам Андрея крест и Евангелие, благословил, после чего пригласил братию, а также сопровождавших раненого. Началась литургия. Никто из присутствовавших на ней еще никогда не был на такой службе. Стояла неопишуемая тишина, лишь песнопения и молитвословия сменяли друг друга, но и они не нарушали этой надмирного покоя. Времени никто не замечал. Наконец игумен вынес чашу. Он и два монаха осторожно подошли к пострадавшему и причастили его. У отца Иова по щекам покатались слезы радости. Наконец-то все состоялось! Потом Андрея вынесли из церкви, и машина скорой помощи умчалась в больницу.

Этот день был совсем не осенний, теплый и солнечный. Вечером батюшка смотрел на удивительно красивый закат. Сердце его внезапно загорелось — он сразу понял, что Андрей преставился.

Похоронили офицера-спецназовца за счет администрации города — торжественно, как героя. Положили рядом с матерью. А после отпевания и погребения отец Иов размышлял о судьбе этого человека, в очередной раз осознавая немощь своего ума и величие Промысла Божия. Старый священник даже представить не мог, что все так сложится. Одно он понял. Этот грешник смог начать новую, пусть и очень короткую, жизнь и успел принести Господу свой плод. <http://www.princess-and-prince.com>

О покаянии. Сын мой! Если ты согрешил, не прилагай более грехов и о прежних молись (Сир. 21:1). Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мф. 9:13). Образумьтесь же, безумные люди, несмысленные умудритесь! Ужели не слышит Сотворивший ухо? И не видит злодеяний ваших Создавший око? (Пс. 93:8–9). Если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает все (1 Ин. 3:20). Не стыдись исповедовать грехи твои и не удерживай течения реки (Сир. 4:30). Есть стыд, ведущий ко греху, и есть стыд — слава и благодать (Сир. 4:25). Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть (2 Кор. 7:10). Покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши (Деян. 3:19). Дух подкрепляет нас в немощах наших (Рим. 8:26).

Выдержки из писаний святых отцов Православной Церкви

Чтобы людям не лишиться блаженства по причине полученной ими от Бога свободы, когда они злоупотребили ею, Он по Своему милосердию изобрел второй дар, после крещения, который есть покаяние, чтобы через него получали они обновление каждый день и им были оправдываемы на всякий миг. Причем Он установил покаяние вне времен и ограничений, оно не вызывает усталости, которая была бы сверх человеческой силы, напротив, оно происходит в разуме, воле и совести, а также в сердце страждущем и сокрушенном, так чтобы всякому легко было получить пользу от него — быстро и в любой момент.

Есть два обличения: одно здесь, в настоящей жизни, во спасение, а другое — там, по смерти, в осуждение. Ныне, в настоящей жизни, входя в свет через покаяние, самоохотно и самопроизвольно, мы хотя обличаемся и осуждаемся, но, по благодати и человеколюбию Божией, обличаемся и осуждаемся тайно и сокровенно, во глубине души нашей, во очищение и прощение грехов наших. И только один Бог вместе с нами знает и видит сокровенности сердец наших. И кто здесь, в жизни, бывает судим таким судом, тому нечего бояться другого какого истязания. Всякий судимый этим добрым судом покаяния не будет уже бояться никакого другого суда или мучения, не будет страшиться и искушений, находящихся на него. Плачущие и болезнующие о грехах своих не имеют страхований. Кающийся есть изобретатель наказаний для себя самого. Когда человек помнит прежние свои грехи и наказывает себя, тогда Бог прилагает попечение о том, чтобы упокоить его. Бог радуется, что за уклонение от пути Божьего сам он наложил на себя наказание, что служит знаком покаяния. И чем больше человек делает принуждения душе своей, тем паче приумножается Богом честь его. Для тех, кем обладают неверие и страсти, благодать Святого Духа непреступна и незрима. Но для тех

которые показывают достойное покаяние и начинают исполнять заповеди

Христовы с верою и вместе со страхом и трепетом, она открывается и бывает зримою и сама собою производит в них суд, или, лучше сказать, она бывает для них днем Божественного суда. Кто всегда сияет и освещается этой благодатью, тот истинно видит себя самого — что он такое есть и в каком жалком состоянии находится.

Покаяние есть познание грехов своих, снимает их милость Твоя. Хотя бы мы взошли на самый верх добродетелей, но спасаемся все же по милости. Отсюда научаемся, что с правдою потребно иметь сердце сокрушенное. Бог судит о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения. Говорящий о себе, что не согрешил, и сам того не чувствуя, равным себя творит Богу, будучи в действительности равен дьяволу возгордившемуся, подумавшему: «Выше облак поставлю престол мой и буду подобен Вышнему». Сколько раз ни согрешишь, спеши покаяться, не допускай отчаяния. Еще согрешишь, еще покайся, не опускайся и не отпадай от надежды получения предлежащих нам благ. Хоть ты уже старик и согрешил — иди в церковь и покайся. Здесь лечебница, а не судилище, здесь не муки за грехи налагают, а дают отпущение грехов. Когда восчувствовал апостол Петр свое падение и начал плакать, и плакал не просто, но горько, тогда слезами из очей второе устроил себе крещение. Таким горьким плачем изгладил он грех свой. Если же такой грех, как отречение от Господа, изглажден плачем, то неужели ты, если восплачешь, не изгладишь греха своего? Кто всегда помнит грехи свои и помышляет о будущем суде, кается и плачет, тот преодолевает и препобеждает все вообще страсти. Ибо он подымается силою покаяния столь высоко, что никакая страсть не может достать его и схватить душу его, парящую в вышине. Покаяние есть примирение с Господом через совершение благих дел, противных прежним грехам. Покаяние есть очищение совести.

Знать, впрочем, надлежит, что для получения прощения грехов требуется не только искреннее от всей души раскаяние в них, но еще и твердое намерение не падать более в те же грехи и не возвращаться вспять. И это требование не падать опять в те же грехи очень трудно нам соблюсти. Покаяние есть завет с Богом об исправлении жизни. Когда оплакиваешь грехи свои, никогда не слушайся бесовского помысла, который внушает тебе, что Бог человеколюбив, ибо он делает это с тем намерением, чтобы отторгнуть тебя от плача и от бесстрашного страха. Мысль же о милосердии Божиим принимай тогда только, когда видишь, что низвергаешься во глубину отчаяния. Нет ничего равного милости Божией, нет ничего больше ее. Поэтому отчаявшийся сам себя губит.

Признак разрешения от грехов состоит в том, что человек всегда почитает себя должником перед Богом. Признак же прилежного покаяния заключается в том, что человек почитает себя достойным всех случающихся ему видимых и невидимых скорбей, наказаний и еще больших лишений.

Если вам понравился этот номер альманаха, вы можете переслать его друзьям и знакомым.